

У нас, свидетелей и участников последних десяти лет советской империи, не диссидентов, а если и не совсем интеллигентов, то не презирающих это понятие, был свой пароль, код, набор ключевых слов. Этим ключом открывались двери московских, питерских, иркутских, свердловских — далее везде — кухонь. А ключевыми словами служили: «Булгаков», «Галич», «Мандельштам», «Пастернак», «Таганка», «Тарковский», «Трифонов», «Сахаров» (на более политизированных кухнях), «Стругацкие» (на более технократических)... И всегда и везде — «Окуджава».

Существовала своя, противостоящая официальной, система ценностей. И, пожалуй, именно Окуджава сформулировал ее наиболее кратко и даже лапидарно:

*Совесть, Благородство и
Достоинство —
Вот оно, святое наше воинство...*

*Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта...*

*Вы рисуйте, вы рисуйте,
вам зачтется.
Что гадать вам: угадось
— не угадось...*

*...Мы сумеем сорок тысяч
разных книжек прочитать
И узнаем, что к чему
и что почему, и это точно...*

*Ах, Арбат, мой Арбат —
ты моя религия...*

*Возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке...*

*Давайте жить, во всем
друг другу потакая,
Тем более, что жизнь —
короткая такая...*

И т. д. (цитирую, естественно, по памяти).

Как же надо было ненавидеть все это, эти простые человеческие ценности, чтобы — в последние годы жизни и сейчас, посмертно, — набрасывать на Окуджаву с яростными обвинениями: то за «комиссаров в пыльных шлемах» и «Комсомольскую богиню», то в высокомерии и «ненародности»! А еще раньше — в пошлости «песенок».

Что касается пошлости, ее Булат Шалвович на дух не принимал, а понимал по-набоковски: дьявол — пошляк. И значит: пошлость пахнет тленом. И что же? Большинство его обвинителей-«эстетов» отправились в мир иной, и, кроме подобных подлых несправедливостей, ничем не остались, и звать их, в общем, никак. А «песенки» Окуджавы пережили автора, и забвение им, несмотря на экспансию попсовой пошлятины, не грозит.

Романтизация комиссаров... Наверно, был такой грех. Сам Булат Шалвович много раз говорил: «Какие мы были дураки!» — имея в виду иллюзии и заблуждения поколения, к которому принадлежал. Но он был не только сыном своего времени, но и — репрессированных родителей, пострадавших как раз за растоптанные идеалы революции. А что, разве не было этих самых светлых идеалов,

**9 мая —
80-й день рождения
Булата Окуджавы**

не стал в голосе, то — Булат

Олег ХЛЕБНИКОВ

увлекших многих лучших людей той эпохи?

Если же говорить о «народности» Окуджавы... Мне посчастливилось быть с ним в нескольких писательских поездках, в частности по Иркутской области (называлось это «Пушкинские дни в декабристских местах»). Так вот и там, в самых глухих деревнях и улусах, Окуджаву прекрасно знали и любили. Раз три после выступлений я подходил к нему и с серьезным видом повторял одну и ту же шутку: «Булат Шалвович, мне надо сообщить вам нечто очень важное!» — «Да, Олег, слушаю». — «Булат Шалвович! «Быть знаменитым некрасиво...» — цитировал я Пастернака. Он смеялся...

А вообще кажется, что на нашей обширной евразийской территории живут всего два народа, к каждому из которых принадлежат люди разных национальностей и вероисповеданий. Один — нормальный, с ненарушенной ценностной ориентацией, пусть и с какими-то своими неизбежными недостатками. И другой — удивительный, который все-таки удалось вывести за годы советской власти, воспитавшей «нового человека», или же — сложившийся еще в годы крепостного рабства и столь удачно задеятельствованный большевиками.

Так вот, Окуджава писал и пел, конечно, только для одного из этих народов — для нормального. Собственно, он прежде всего и утверждал в своих стихах и песнях норму. И это несколько десятилетий воспринималось властью (выходцами из второго народа) как крамола.

При этом Окуджава диссидентом не был. Просто дар — это поручение, и он его исполнял. А к тому, что мешало,

относился насмешливо или даже безразлично. (Второй народ Божьему дару предпочитает яичницу и к его носителям относится, в лучшем случае, с подозрением.)

Кстати, Булат Шалвович терпеть не мог пустых разговоров о «литературном процессе», предпочитал литературу, даже еще не преодолевшую устную стадию, разговорам о ней и очень любил остроумные анекдоты. Ни в каком снобизме мной замечен не был.

В годы, когда печататься для него уже не составляло труда — наоборот, было честью для издания, — он отдавал свои новые стихи (многие из них стали песнями) в не самую элитарную «Крестьянку», где я тогда работал, просто для того, чтобы поддержать меня на новом поприще. От «Крестьянки» же выступал перед каким-то трудовым коллективом... А вот его книжку в стопятидесятилетней библиотеке «Огонька», в котором я работал уже в коротеческие годы, я издать не догадался, а он и не предложил...

Как я познакомился с Окуджавой — история. Представьте себе, что вы, знаменитый поэт, нет, даже бард (что еще знаменитее), приезжаете в провинциальный город с выступлениями, и, конечно, к вам в гостиничный номер ложатся многочисленные поклонники, среди которых и юноши бледные со взором горящим, и юноши, обдумывающие жите, и, несомненно, разнообразные «чайники». Что вы будете делать? Думаю, постараетесь от всех них заранее избавиться — надо же и душ когда-то принять...

Я был одним из этих юношей (21 год). Окуджава меня принял, вспомнил, что обо мне от кого-то слышал, рассказал, как сам однажды пришел с другом к Пастернаку в тбилисскую гостиницу и был, в отличие от своего безвестного друга, не одобрен... В общем, я показал ему свои стихи. К счастью, они Окуджаву, кажется, чем-то заинтересовали...

В результате я стал его гидом по полужакрытому оборонному Ижевску: привел в дом к замечательному полусельскому и полуслепому профессору филологии Борису Осиповичу Корману, в другие немногочисленные интеллигентские дома провинциального города, показал столь же немногочисленные достопримечательности. А когда ему принесли для выступления гитару — всю в наклейках, — предложил ему свою, скромнее. И стал, таким образом, на несколько дней оруженосцем Окуджавы, чем очень гордился...

Потом Булат Шалвович прислал мне в Ижевск все свои новые книжки — знал, что иначе мне их попросту не достать... Потом я переехал в Москву и на время стал его соседом по писательскому дому (жил у Давида Самойлова, практически переселившегося в Пяру) — он все-рез переживал, чтобы меня не сподобились самые поклонники и самозванные ученики, и постоянно предлагал деньги взаймы, всякий раз удивляясь, когда я их возвращал (явно я был не единственным его должником)... Потом я приходил в его маленький домик в Мичуринце, мы пили чай, и он рассказывал о приключении им мышки и счастье поселковой жизни...

В последний раз, в мае 1997-го, я пришел к нему по делу — договориться о его публикации в «Новой газете». Он обещал подготовить тексты «сразу после возвращения из Германии-Франции»... Он неохотно собирался в свою последнюю поездку... А когда вернулся, Москва встретила его цветами и слезами. И проводила слезами и цветами — в дождливый, удивительно мрачный летний день. Конечно, на Арбате...

*Булат Шалвович Окуджава,
так проходит земная слава —
по Арбату, тыщами ног.
Это вы уже сверху видели:
прошавшие победители
девятиных всему шог
подводили — под мелкий дождик,
под колеблемый ваш треножник,
скрипку Моцарта, скрип сапог.*

*Вслед за песенкою короткой
поднимался беззвучный рокот,
по Арбату-реке волной
шел, вздымался, бился о небо,*

*на людей глядевшее слепо,
нависавшее над страной.*

*Булат Шалвович Окуджава,
так приходит земная слава:
не крикливо, не величаво,
к небу тягостному спиной.*

Булат Шалвович! Мы празднуем сейчас ваш День рождения. Мы считаем его и своим праздником — нам это делать исключительно легко: он совпадает с Днем Победы, который и вы «приближали, как могли» и который остается одним из немногих настоящих наших праздников.

Вам так и не удалось стать стариком. Может, в 80 лет наконец бы получилось? Но это почти так же трудно представить, как старого Пушкина...

P.S. Кстати о Пушкине. В 1921 году Ходасевич написал: «Мы перестали аукаться Пушкиным». Он видел в этом беду не только для русской литературы, но и для всей русской жизни. И в 1921-м закончился Серебряный век. Но, на счастье, еще остались его талантливые дети, благодаря которым «Пушкин длился». Потом Давид Самойлов, человек, родившийся на самом исходе Серебряного века, напишет: Пусть нас узнают без возни, Без козней, розни и нагсады, Тогда и скажется: они — Из поздней пушкинской плеяды.

Кроме самого Самойлова к этой плеяде относится конечно же Булат Окуджава, не только занимавшийся в своей прозе XIX веком, но и постоянно «аукавшийся с Пушкиным». Даже впрямую, в стихах:

*Мы будем счастливы —
благодаренье снимку —
Пусть жизнь короткая
проносится и тает.
На веки вечные мы все теперь
в обнимку
На фоне Пушкина.*

*И птичка вылетает...
Р. Р. S. Однажды Окуджава рассказал мне про то, как аukaется с Пушкиным другой стихотворец, выпускавший в советское время сборники. Это было обращение непосредственно к Александру Сергеевичу: Я поэтом лежу на диване, Ты портретом висишь*

*на стене...
Не будучи профессиональным юмористом, обязанным быть серьезным в деле добывания смеха, Булат Шалвович после чего-то смешного, сказанного собеседником или им самим, всегда расплывался в широкой, кошачьей, почти чеширской улыбке...*

6 мая
Фестиваль, посвященный 80-летию со дня рождения
Булата Окуджавы

Региональный общественный фонд Булата Окуджавы
Государственный дом-музей Булата Окуджавы
Центральный дом литератора

Б. ОКУДЖАВА
...и из собственной судьбы я выдергивал по нитке
Стихи. Песни. Воспоминания. Кинокадры.

Участвуют:
Белла Ахмадулина, Александр Городницкий, Инна Лиснянская, Вахан Арцруни (Армения), Фазиль Искандер, Елена Фролова, Манана Менабде (Грузия — Германия), Борис Мессерер, Евгений Рейн, Андрей Крамаренко, ученики школы № 69 им. Б. Окуджавы

Начало в 19.00
Билеты в кассе ЦДЛ
(Б. Никитская, 53; тел. 291-63-16, ст. м. «Баррикадная»)

8 мая

Дом-музей Булата Окуджавы в Переделкине
Региональный фонд Булата Окуджавы

Булатова суббота посвящается 80-летию со дня рождения поэта
Презентация компакт-диска Галины Хомчик «Песни Булата Окуджавы»
Художественный руководитель концерта — Сергей Никитин
Прямая трансляция из Переделкина на телеканале «Культура»; 20.00 — 22.00
Приглашаются все

Проезд: платф. Мичуринец (Киевской ж.д.), ул. Довженко, д. 11; тел. 593-52-08

